

Судьба играет Байкалом или человек?

Уж пятый год, как на нашей улице праздник – навсегда освободили Байкал от потравы, которой полвека грозил ему целлюлозно-бумажный комбинат, ставший в XX веке бельмом на светлом оке великого озера. Праздник остался с нами, а экологического благополучия не наступает. Теперь становится понятным молчание академика Михаила Александровича Грачёва, который лишь в неофициальном разговоре ронял: “Да что БЦБК и его стоки – они локально проявляются и не расползаются далеко за пределы проектного “пятна”. Закроют его – и не заметим”.

А вот что “заметим”, Михаил Александрович, будучи в то время директором Байкальского Лимнологического института, до поры умалчивал. Хотя эта пора уже плескалась в берега озера, когда ещё не перестали падать трубы комбината. Нарастающий вал туризма упёрся в пустяшный вопрос: а куда туристу бегать, извините, по малой и большой нужде? Ведь вал этот уже превысил миллионную высоту, в этом году ожидают его рост в два раза. Едут с Запада и Востока, со всех российских весей поклониться национальной святыне и оставляют на побережье и тропах свои пахучие следы. Где цивилизация?

Думаю, была и другая причина у академика: протестный шум по поводу строительства на Байкале химических предприятий, переросший в протестное экологическое движение XX века, отвлекал от нарастающих проблем озера, более глубинных, неизученных и неотвратимых. Учёные это предвидели, по крайней мере, фиксировали признаки этого неотвратимого. А общественность всё никак к ним не поворачивалась...

Нет, видимо, лучше начать от печки.

Из будущего – в прошлое

В Байкале, подсчитано давно, вода, все 23 тысячи кубических километров, обновляется полностью за 400 лет. Дело для специалистов нетрудное – посчитать. Школьная арифметика о бассейне с двумя трубами, по одной из которых вода вливается в бассейн, а по другой, иного диаметра, вытекает. Всего-то и разница – в Байкал втекает через 333 “трубы”, а из него вытекает через одну – реку Ангару. Правда, задача упрощается тем, что эта одна труба “высасывает” из Байкала ровно столько же воды, сколько все 333 в него доставляют. Это фантастическое равновесие существует века, а может, и миллионлетия, оставаясь удивительным, но всё-таки географическим фактом. Величина эта постоянная. Есть и много других нюансов, но не будем занудами.

А все четыре века “цикла обновления” озеро так пестует воду, прогоняя её через круговые, вертикальные, кольцевые, придонные, ветрогонные поверхностные, быстрые и замедленные перемешивания всю до капли – через биологические (естественные, природные, живые, постоянные) вековые фильтры такой сложности и эффективности, до которых человек пока не додумался. Не умеет ещё он сам такие фильтры создавать. Не дорос. Только – природа! В четырёхвековом байкальском цикле. Ибо все они естественные, живые – можно потрогать.

Учёные Лимнологического института уже много лет знают, **как** озеро это делает, и знают рецепт: не мешать Байкалу создавать то, что он творит вот уже больше 20 миллионов лет. Сам, с Божьей помощью. Да кто же их станет слушать! Формально-то и по плечу похлопают, покивают, а про себя подумают: они ещё потребуют вообще не вмешиваться в жизнь Байкала... Умники.

Важнейший вопрос: каким станет Байкал через следующие 400 лет? Помогает ли нам остаться самими собой? Можно было бы и не оглядываться, но уж очень большая величина – наш Байкал в системе национальных и мировых ценностей. И если б не тревожный пунктир, прошивший светлые воды славного моря. Теперь не спишешь на Орду. Мы, россияне, уже четыреста лет отвечаем за благополучие своего Байкала. Пора бы и соответствовать.

А мы вперёд – задом наперёд...

Современная экономика, навязанная России так называемыми младореформаторами в начале 90-х, с самого своего начала нечестно отнеслась к Байкалу. Как и ко всему народу. Следы той нечестности обнаружила Межведомственная Байкальская комиссия почему-то только в 2004 году. Оказывался, водный налог в колоссальных суммах по чьему-то велению-хотению не собирался в суверенной России до 2005 года. Так считается, ибо от его имени в бюджет не попадало ни копейки. Правительство отреагировало. И в 2005 году его поступления в бюджет (по курсу 2005 года) составили более 11 миллиардов 500 миллионов рублей. 116 с лишним миллиардов за этот срок спрятали свои концы в воду. Люди не получали зарплаты, старики – пенсию, голодали дети, некоторые умирали. А те, кто эксплуатировал байкальскую воду, “выходили в люди”, становились олигархами. Или делали головокружительные карьеры во властных структурах.

Байкал совсем обнищал: ни одних новых очистных сооружений не вступило в строй в городах и посёлках Центральной экологической зоны. Не говоря уж про сельские поселения. Зато миллионы по-прежнему шли на “реконструкцию” очистных сооружений БЦБК. До такой степени дела испортились, что в 2013 году обанкротился БЦБК. И его наконец-то пришлось закрыть. Навсегда.

Празднуй, русская душа! Но не до головокружения.

Предчувствие беды

Как-то раз один симпатичный эколог по имени Анжелика спустилась к берегу Тыи, речки-невелички по сибирским меркам, всего-то 120 км по течению, если мерить от отрогов хребта Унгдар, где она зарождается. Но на ней нынче Северобайкальск сидит, полвека назад ставший основной технической базой строителей западного участка БАМа. У этой речки-невелички, тем не менее, 235 притоков общей протяженностью более 700 километров. А, как известно, сам Байкал из конца в конец до шестисот пятидесяти не дотягивает.

Анжелика стала примечать: тут что-то неладно. Городские очистные сооружения кто-то шустрый приватизировал и стал в них мыть железнодорожные вагоны, другую нечисть, применяя хлористые и фосфорные добавки, да погуще, погуще. Активный биологический ил был отравлен, как грызуны крысиным ядом, а мёртвый он сам становится помехой процессу очистки. Если к этому добавить, что прижимистый хозяйственник, ставший распорядителем БАМа, в целях экономии приказал на всех станциях закрыть и ликвидировать санузлы и даже дощатые уборные, то дерьмо пошло исправно прямо в реку, потом и в Байкал.

Много ли заработал генерал тяги на том запрете, Бог его знает, но точно известно, что в округе сильно запахло цивилизацией. В Тыю полилась нечисть, сдобренная фекальными отходами.

Анжелика собиралась дойти до Байкала, прийти по берегу озера километра два. Но остановилась, не пройдя и половину пути: в прибрежной воде озера плескались клочья зеленой паутины. Кому-то до неё это тоже не понравилось, и он взял корягу, выброшенную волной на берег, и намотал эту паутину на нее, как кудель. Анжелика подняла её и сразу бросила: кудель воняла, не приведи Бог, как.

Дальше по берегу виднелись и другие выбросы: лишённые воды, они теряли свой нежно-зелёный цвет, становились буро-зелёной вонючей массой.

Эколог Анжелика стала звонить в Минприроды Бурятского правительства: и Северобайкальск, и Тья, и этот кусок берега Байкала были бурятскими. В Минприроды, как всегда, попробовали сослаться на занятость, чтобы не ввязываться в разговор с настырным экологом, к тому же дипломированным специалистом. Но Анжелика всё же дозвонилась до министра и потребовала прислать инспектора.

Инспектор по природоохранным делам из Сибирского федерального округа приехал, посмотрел, понюхал, поблагодарил Анжелику. Сказал:

– Не знаю, что это, но что-то непутёвое. Надо Грачёва звать.

Академик Михаил Александрович Грачёв, директор Лимнологического института на Байкале, отозвался сразу же:

– Да, и мы обнаружили, что спирогира пошла в бурный рост. Но пока не знаем, отчего.

– Когда будете знать?

– Как выясним. Если выясним.

Кое-что выяснили быстро. Например, то, что спирогира – постоянная обитательница Байкала. Не назойливая. Ни на кого не нападает. Живёт на мелководье, не путается под ногами. Как и многие другие обитатели озера. Её следы обнаруживаются при раскопках в трёхмиллиардных слоях. Если жива сегодня – значит, стойкая ко всяким климатическим невзгодам. К нашему климату приспособилась основательно. Фантастическая выживаемость!

Но почему пошла в такой бурный рост на Байкале, какой не зафиксирован больше нигде на земном шаре? Загадка не для школяров – для академиков. Тысячи и тысячи лет жила в Байкале тихоней, никому не мешала, и на неё обид не было. И вдруг...

Кто-то, себе на уме, гадает: а может, эта самая спирогира у Природы за сторожевого пса? Ест, спит, принохивается, а как начинает пованивать – она вскачь размножаться и пожирать эту сладкую вонь. Объевшись, умирает и тоже вонять начинает. Чтоб нам, людишкам, сигнал дать: уймитесь. Подчищайте за собой...

Может, и так. Природа в своих возможностях непостижима и недостижима. Как ни пыжься.

Звонком из Улан-Удэ Анжелика Тиссен подняла с постели и меня в четыре утра.

– А губернатор Бурятии Наговицын говорит, что шум поднимать не стоит. А то вон об озере Котокельское сколько шуму было, а мы не поддались паническим настроениям. Ни во что не вмешивались. Котокельское озеро нездоровело. Само собой. А уж шуму-то было, шуму...

– Не прав ваш Наговицын, – говорю спросонья.

– Но он же глава республики... Как можно?..

– Значит, можно, если он всё ещё глава. (Вскоре его отправили в отставку.)

– Тогда кому верить?

– Себе, Анжелика, прежде всего, себе. В данном случае – и фактам. Котокельское всё ещё под санитарным карантином. И главный санврач республики не торопится с реабилитацией озера.

Так, в конце концов, и получилось: глава республики ушёл раньше, чем туристы снова стали принимать солнечно-водные процедуры в Котокельском. А с Анжеликой Тиссен не очень-то и поспоришь. С тех пор, как она возглавила в Северобайкальске экологическое движение “За чистый Байкал”, от неё никому покоя нет. А после приезда федерального инспектора по природоохранным делам по её персональному вызову из Новосибирска совсем осмелела.

– Вы бы чуть поаккуратней, Анжелика Васильевна, – пытаюсь её предостеречь.

– Поаккуратнее им бы надо с Байкалом, – отвечает она. Потом добавляет: – Я – поаккуратнее, вы – поаккуратнее... А что от Байкала останется?..

Капля Бога

Кто-нибудь задумывался над житейским вопросом: если Байкалу не возвращать долги, долго ли ещё он протянет?

Но тут возникает и следующий вопрос: о каких долгах речь?

Но сначала – о Капле Бога.

Традиции – это не подражание ветхозаветному. Традиции – это всегда великолепие и блеск современности, впитавшие в себя мудрость и красоту веков и устремленные в будущее. Как русская литература, вобравшая в себя благоухание пушкинского слова, дала миру Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Островского, Толстого, Чехова, Горького, Есенина, Маяковского, Ахматову, Пастернака, Шолохова, Распутина... И целую плеяду современных волшебников слова. По традиции.

Мне подумалось об этом, когда академик Грачёв вдруг сказал:

– Вот Назарбаев построил стеклянный шар на удивление людям.

– Какой шар?

– Павильон Казахстана на Всемирной выставке будет располагаться в стеклянном шаре громадной величины.

– Интересно, – сказал я.

– Вот бы и нам построить на Байкале нечто на удивление людям.

– Удивительнее Байкала? Стеклянный шар?

– Э-э... нет. Стеклянное здание в виде капли что ли...

– Шутите, Михаил Александрович? На Байкале – стеклянная капля под облака?... Хотя в этом, пожалуй, что-то есть... Как капля Бога...

– Если серьёзно рассчитывать на экономику туризма, надо капитально привлекать людей.

Организовать цивилизованный туризм и запустить его на Байкальскую природную территорию – это не собрать толпу, построить её в колонну, дать в руки вперёдсмотрящему развёрнутое знамя и – шагом, марш! – с песней:

– По долинам и по взгорьям // шла дивизия вперёд...

Грачёв говорил по другому поводу.

Без малого два года назад бюро Совета ФАНО и РАН на совместном заседании, а перед этим Президиум Российской Академии наук обсуждали работу коллектива Лимнологического института. Тогдашнее руководство Минобрнауки бесстрашно ломало традиции, сложившиеся в школах, вузах и научных учреждениях, грозя “позакрывать” многие институты. И – палёным запахло...

Слава Богу, остановились. Но потрясения, испытанные некоторыми коллективами, дают о себе знать и по сей день.

Президиум РАН, заслушивая доклад академика М. Грачёва, фактически спасал коллектив Лимнологического института от незаслуженных экзекуций.

“... Лет 30 назад проблема Байкала занимала умы многих видных российских учёных, таких как академики В. Коптюг, М. Лаврентьев, А. Трофимук, П. Капица, и других корифеев советской науки”. – Михаил Александрович передохнул. Члены Президиума Российской Академии наук собрались на специальное заседание, чтобы послушать его, директора академического Лимнологического института о том, что происходит на Байкале, далеко-далече от Москвы. Поэтому, видимо, академик Грачёв и делал заход издалека. Он знал и чувствовал, что за ним наблюдает особенно пристально Николай Павлович Лаверов, и это его ободряло. Имя Лаверова увековечил в академическом фольклоре президент России, произнеся судьбоносную фразу:

– Сделать так, как сказал академик Лаверов.

А сказал Николай Павлович о том, что гигантскую нефтяную трубу Восточная Сибирь – Тихий океан (ВС–ТО), которой “Транснефть” упёрлась в берег Байкала, надо бы вывести за пределы водосборной территории озера, по акватории которого как раз проходит Байкальский рифт, тектонический разлом, и на каждом веку котловину крупно трясёт, до 9 и более баллов по шкале Рихтера.

– Сделать, как предложил Николай Павлович, – повторил для плохо слышащих президент, и на этом большой шум о трубе был закончен. Вслед за этим – и карьера корыстно упёртого повелителя нефтяных труб.

Академик Лаверов, пренебрегая недугом, пришёл на то заседание Президиума Академии во всеоружии: Байкал теперь в некотором роде стал его крестником. Да и директор Грачёв...

А тот ровным голосом продолжал:

— Это происходило в своё время в связи с заботами, что Байкал погибнет из-за начала работы Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Слава Богу, это не сбылось: Байкал жив. Но с тех пор интерес к Байкалу стал утихать до такой степени, что в Москве, ни в президиуме РАН, ни в Общем собрании Академии наук, тем более, эта проблема не обсуждалась.

Михаил Александрович отчитался в Академии наук нормально. Академики дружно обещали всяческую поддержку коллективу института, попавшему в цейтнот: очередной экологический кризис, навалившийся на Байкал, покрыл мелководье озера мягким, нежным на ощупь зелёным пуховым одеялом — так ничтая водоросль спиригира принялась отвоевывать для себя пространство, на которое рассчитывали туристы. И которое в жизнедеятельности озера играет решающую роль. Спиригира, выброшенная из воды на берег, сделала его неприемлемым для человека: мёртвая, она смердела и покрывала липкой слизью стерильные берега озера. Напрочь игнорируя вердикт ЮНЕСКО: редкий случай, когда в свой список эта международная организация внесла как наследие человечества персонально и байкальские пейзажи.

На вопрос коллег, что эту неведомую спиригиру принесло, Михаил Александрович ответил так:

— Она была в озере, но в малых количествах. А тут — как на дрожжах. Почему, пока не знаем. Нужно провести глубокие и дорогие исследования, чтобы знать. Хотя сделан шаг вперёд.

Он и сейчас отвечает примерно так же. Знания всегда дорого стоят. И нелегко даются. Особенно новые знания. Учёным не сразу стало ясно, что это — водоросль, и какая именно. Но первая особенность бросилась в глаза: спиригира застилала дно мелководья и жалась к берегам особенно в тех местах, где происходит контакт Байкала с туристами и где идёт сброс в озеро сточных вод.

Экспедиции учёных и специалистов института в разные точки акватории Байкала принесли схожие результаты: чем больше вода насыщена фосфором, тем активнее примеси, тем активнее размножается эта ничтая водоросль. А ускорителем процесса выступают фекальные отходы в коммунальных стоках. Но поразительный факт: в байкальской воде растворено, им было это известно, всего 230 тысяч тонн фосфора. Дальше их расчёты привели к следующему результату: объём байкальской воды, в которой растёт и размножается спиригира, примерно равен 7 кубическим километрам из 23 тысяч км. Стало быть, всего несколько тысяч тонн потребовалось, чтобы нарушить миллионлетнее равновесие жизни байкальской системы. Вот это система! Вот это реакция на угрозу собственному благополучию! Несравнимо чувствительнее и эффективнее американской ПРО. Дальнейший поиск показал, что со стиральным порошком в водоёмы попадает в 2–5 раз больше фосфора, чем с человеческими фекалиями.

А стирка белья с порошком на берегах Байкала — рутинное дело: и туристы-дикари, и туристы-лагерники, и здравницы...

Академик М. Грачёв срочно обращается в правительство РФ: надо ограничить присутствие фосфора в стиральных порошках до европейского уровня — 0,4–0,5 процента. Таможенный Союз пошёл на уступки ради Байкала — теперь в стиральных порошках присутствие фосфора ограничено семью процентами: на тебе, Боже, что нам не гоже.

Лаверов услышал и отреагировал:

— На мой взгляд, надо сейчас же написать бумагу в Совет безопасности Российской Федерации. Другого варианта я, к сожалению, не вижу, пока мы сохраняем какую-то возможность влиять на этот процесс. И этим надо пользоваться.

Откровенность академика Лаверова была понятна всем: он в СБ России возглавлял отдел по экологической безопасности государства. И когда нужно, пользовался своими полномочиями эффективно. Сам факт этого влияния народно подтвердил и глава государства, когда споры о нефтяной трубе зашли в тупик. К месту оказалось и напоминание о том, что «мы были вместе с Михаилом Александровичем, когда на лодочке обсуждали многое, что увидел тогда президент России на дне, на поверхности Байкала, а также другие вопросы».

Конечно, хорошо быть академиком, лауреатом различных премий, получить заслуженные ордена и медали, но ведь и спрос в ларец не положишь: поспи, дружок, пока я схожу на бережок.

— Михаил Александрович! А вдруг ваше предложение со “стеклянной каплей” найдёт поддержку? Может, назовём её КАПЛЕЙ БОГА? Ведь и сам Байкал — не что иное, как капля Творца, которой можно напоить человечество. Вы что бы разместили в этой “стеклянной капле”?

— В Байкальске нужно построить город-сад, но это, похоже, утопия, — живо отозвался академик, который уже десятки лет передвигается только в инвалидной коляске. — Что касается названия — берём. Внутри КАПЛИ БОГА нужно поместить музей Байкальский, а также внутреннюю ёмкость (как желток в яйце), где будут круглые сутки производиться глубинная байкальская питьевая вода. Это очень интересный процесс, где двигаются сложные механизмы и регулярно происходят яркие вспышки при выдувании пластиковых бутылок.

Скоро сказка сказывается

Ученые в массе своей сказочники. Но уж ни в коем случае не бухгалтеры.

Академик Будкер, который в Новосибирском научном городке построил первый ускоритель (коллайдер) на быстрых нейтронах, любил, при случае, рассказать анекдот.

... Картина из ближайшего будущего.

Разогнали, раскрутили, значит, до фантастических скоростей синхротрон. Руководитель эксперимента тормозит процесс.

— Что вы делаете, коллега, — возмущаются академики, присутствующие на эксперименте. — Давайте дальше, дальше...

— А дальше, коллеги, Земля может треснуть и расколоться.

— Да?! — повскакали с мест академики. — Вот было бы интересно посмотреть...

Моё знакомство с академиком Михаилом Александровичем Грачёвым не даёт мне права сказать, что он мог бы согласиться со сливом Байкала до дна, до капли. Чтобы покопаться руками в донных отложениях, поискать в них ответ: кто это пускает пузыри со дна, которые потом образуют подо льдом километровые круги, видимые на снимках, снятых из космоса? Хотя это они уже знают. Но на дне Байкала покоятся и другие загадки, которые пока не разгаданы.

Однако вот как он рассказывает о своей повседневной работе на Байкале в течение тридцати лет. “В мире расшифрованы полностью и опубликованы геномы только двух видов морских водорослей... Наш вид отличается тем, что он пресноводный, бесшовный, пеннатный. Если взять генетическое расстояние от этого вида до другого вида, который был расшифрован вторым, шовного пеннатного, то оно такое, как между дрозофилой и человеком. Водорослей таких много. Кажется, они похожи, как близнецы-братья. А такое громадное различие — дрозофила и — человек”.

Такие миллиардолетние расстояния. И совершенно юношеский азарт, с каким они бросаются в эту миллиардолетнюю пропасть. Это надо видеть! Или хоть раз побыть свидетелем.

Ум — хорошо, а два — очень дорого

На энергичные заявления учёных авторы распоряжений обычно говорят: в истории Байкала были эпизоды и похуже — на 70 метров опускалось зеркало озера. Выдюжил, как видим. И теперь перемелется...

Так ведь и с самим человеком за то же время чего только не случилось — его когда-то и в природе-то не существовало. Когда-то в Байкале осётр уже бултыхался и гонялся за осетрихой, озабоченный продлением потомства. А появился двуногий “хомо”, объявил себя царём природы — и где теперь осётр? Байкальский осётр...

Странные эти люди, которые спецы по резолюциям. Брякнул, квакнул — и хоть трава не расти. Уже и не растёт, пожелтела, где прошёлся тот квакун — по кедровникам, по соболиным падам.

140 тысяч нарушений природоохранного законодательства выявила недавняя прокурорская проверка. Ахнул сам генеральный прокурор. Это так ошеломляюще, что даже сравнить не с чем. Сюда входят и нарушения, которые состоялись на Байкальской природной территории, включая махинации при строительстве очистных сооружений и откровенное воровство.

А средств на охрану природы заповедных прибайкальских территорий требуется всё больше и больше. Потому что взялся “наводить порядок” энергичный, оборотистый человек.

На спирогиру бросили все основные силы института, но проблема осталась. Более того, неведомая болезнь поразила и байкальские губки. А они, губки, служат естественными фильтрами байкальской воды. Причина гибели губок тоже пока не выяснена, одни предположения.

Новые знания добываются великим умом и трудом до седьмого пота. И стоят дорого, очень дорого. Готов это повторять и повторять.

Академик Грачёв пишет во все инстанции: где деньги, Минфин? К нему присоединяется и новый директор института А. П. Федотов. И пяти лет не прошло, как получают... ответ за подписью статс-секретаря Минприроды России С. Радченко, посланный через Российскую Академию наук.

“Минприроды России как государственный заказчик-координатор федеральной целевой программы “Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 годы”, утверждённой постановлением Правительства РФ... сообщает... средства федерального бюджета могут быть направлены на финансирование научно-исследовательских работ по комплексной оценке экологического кризиса на Байкале только в случае, если будут найдены источники, позволяющие обеспечить софинансирование (не менее 50 процентов общей суммы. – А. Ю.) в необходимом объёме за счёт внебюджетных средств. 03.03.2017 г.”.

А если не будет такого случая и не будут найдены эти гипотетические спонсоры с кошельком наперевес?

Может, припугнём энергетиков Ангарского каскада ГЭС, что притормозим слив байкальской воды через плотину Иркутской ГЭС, коль не пособите учёным на Байкале?

Может, отменим визы зарубежным туристам на Байкал?

Может, арестуем миллион-другой кубометров браконьерского леса да загоним на чёрном рынке? Спрос велик.

Может...

А может, зарпортовались наши искусники бюджетных водоворотов? Вдумайтесь: они предлагают лечить заболевшего... на паях – пятьдесят на пятьдесят: одну часть берёт на себя государство, другую (равную) – больной, пока он тёплый. Удивителен не этот деляческий, антигуманный подход, а то, что с этим соглашаются... доктора (больной в нашем случае голоса не имеет, его уже ободрали, как липку). На что-то рассчитывают, однако.

– Ничего этого не надо, – охлаждает мой пыл Михаил Александрович Грачёв, действительный член Российской Академии наук, лауреат Государственной премии и совладелец трёх патентов на изобретения, ныне работающий повсюду, несмотря на страшные последствия аварии, приковавшие его к инвалидной коляске на десятилетия.

– Лучше пусть восстановят наш научный центр, не делят его на куски. Я найду эти деньги. Заработаю.

– Лодочки для китайцев?

– А что вы насмехаетесь – лодки для китайцев. Вот оформлю патент...

Не хватало ещё за счёт науки и систему канализации построить, надобность в которой ныне, ну, вот по самое...

Я не насмехаюсь. Мне горько по-человечески. Байкал – всё для всех: пожалуйста, берите, пользуйтесь. К Байкалу: рупь пятьдесят медяками от статс-секретаря минприроды. И то по конкурсу. И, упаси Бог, переборщить. Рупь пятьдесят, а не пятьдесят одну. Остальные инвалид-академик заработает...

Насколько я знаю Михаила Александровича, он слово сдержит. Он ярый враг безвыходных ситуаций и почти за тридцать лет директорства научил этому и учёным института. С необязательной государственной системой иначе не выживешь.

Уходят, не прощаясь

2015–2016 годы – чрезвычайно опасная пожарная ситуация на БПТ: погибло 132,2 тысячи гектаров тайги, повреждёнными оказались ещё 637,7 тысячи гектаров леса.

2015–2016 годы – исчезновение августовского стада байкальского бычка-желтокрылки – кормовой базы омуля.

2017 год – у критической черты оказался омуль: массовый, в том числе браконьерский лов подорвал стада этой рыбы до точки невозврата.

Место в “Красной книге” России для байкальского осетра продлено ещё на пятилетку.

В последние годы неуправляемость ресурсными процессами на Байкале доходит до такой степени, что рыбоохрана вылавливает в озере в год десятки тысяч метров браконьерских сетей. Иной раз их хватило бы перегородить Байкал в районе Листвянки и до г. Байкальска на противоположном берегу (60 с лишним км по прямой). К месту уничтожения “улов” везут на наёмных многотонных “большегрузах” с прицепами.

Начиная с 1960-х годов и по настоящее время – ежегодное образование нерастворимых отходов в количестве миллиона тонн от производства целлюлозы на Байкальском ЦБК, построенном вопреки протестам учёных, широкой советской общественности. Нынче 154 га прибрежной байкальской земли занимают карты-накопители шлама, в которых под открытым небом лежит более 6 миллионов тонн шлам-лигнила, нерастворимого отхода целлюлозного производства. Через них дренируются в Байкал загрязняющие нездоровые вещества в заметных объёмах. Надо честно признать, что учёные предупреждали о наступлении этих последствий и письменно, и устно, власти отмахивались: не нагнетайте.

Такого концентрированного нашествия бед Байкал ещё не испытывал в столь короткий отрезок времени. С чего бы это? Сказать, что погода виновата, значит, отмахнуться от реальности или закрыть на неё глаза. У природы, известно, нет плохой погоды. Сказать, что люди плохо работают на территории, подвластной трём субъектам Федерации, – выдать следствие за причину и предпочесть страусиную позицию.

Проблемам Байкала властями и обществом с каждым годом уделяется всё больше внимания. Тогда в чём же дело?

Погоду на Байкале стал делать человек, не способный трезво оценить, какое уникальное сокровище доверил ему Творец. Но он твёрдо знает: чтоб мне стать олигархом, я из этой золотой лужи всё выжму.

“Пей – вода, ешь – вода...”

Да, Байкал – это не только озеро как вода, но и целый природный комплекс – Байкальская природная территория.

На карте голубое зеркало Байкала протянулось молодым месяцем с юго-запада на северо-восток на 600 с лишним километров с береговой линией более 2 тысяч км. Он уютно устроился, как в ладошках у судьбы, в ложбинке горных хребтов на самом тектоническом разломе. Удивительно, что водосборная площадь Байкала находится как бы внутри водосборной площади реки Лены, а никак не Ангары и Енисея. Только одна многоводная Селенга прибежала издалека – из Монголии – в эту беспокойную котловину, чтобы отдать Байкалу всё, что имеет, – около 30 кубических километров воды, половину годового притока в озеро всех питающих его рек.

Но мировая сокровищница сосредоточена тут, в этой колыбели с зеркальным покрывалом в 31500 квадратных километров. 23 тысячи кубических километров чистой питьевой воды – вчера, сегодня, завтра, всегда: каждую секунду, каждый час, каждые сутки, от темна до темна – 23 тысячи кубических километров!

По моим подсчётам, в конце 2016-го – начале 2017 года конъюнктура цен такова: в Москве за 1 литр бензина дают до 40 рублей; за 1 литр байкальской воды – около 80 рублей. Какой вывод напрашивается из этого?

Без воды прожить нельзя. Водный голод грозит вымиранием всему живому. Вода Мирового океана – тоже вода, только перенасыщенная солями. На наш, человеческий вкус. Но акулам, китам, моржам и селёдке она такая

нравится. К примеру, в Эмиратах заводы-опреснители морской воды получают и продают питьевую воду миллионами литров. Так что водную беду – руками отведу. Правда, раскошелиться придётся как следует, и последними в этой очереди будут бедняки.

Но 80 рублей за литр байкальской воды – это тоже не окончательная цена. На такую водичку тоже нечего всем рот разевать со своей копейкой.

По медицинским показателям человек должен выпивать в сутки не менее 2-х литров воды; в месяц, стало быть, 60 литров по 80 целковых за литр. Около 5 тысяч рублей в месяц выходит. А среднюю пенсию старикам на 2017 год обещают увеличить до прожиточного минимума. Стало быть, пей вода, ешь вода – и ходи туда-сюда.

Академик М. А. Грачёв утверждает: если всё население Земли перейдёт на потребление одной байкальской воды, то ему её хватит на 6 тысяч лет.

Творец, природа всё сделали, всё предусмотрели, чтобы в нашем Байкале вода была лучшей и чтобы её было больше, чем в каком-либо ещё водоёме. Милость богов была запредельной, когда они решили, что вода в Байкале не должна иссякнуть никогда. Тем самым дали человечеству шанс.

А наши “повелители судеб” начали разминивать его на череду экологических катастроф. А для драпировки – Год экологии.

И кому мы поручили блюсти этот сказочный шанс?

Подсчитаем, сколько государственных, общественных организаций и иных образований занимаются Байкалом; участвуют в составлении ежегодных Государственных докладов по Байкалу: только органов управления 41 (сорок одна) штука. От Федерального министерства природных ресурсов и экологии – до Ангаро-Байкальского территориального управления Росрыболовства.

Но ведь есть ещё шеренга государственных учреждений – 19 (девятнадцать): от ФГБУ “Иркутское УГМС”, то есть Федерального государственного бюджетного учреждения Иркутское управление гидрометеослужбы – до ФБУ (Федеральное бюджетное учреждение) Администрация Байкало-Ангарского бассейна внутренних водных путей. И тринадцать государственных научных учреждений. В 2016 году образовали в Иркутске специальное управление Росприроднадзора по Байкалу с отделением в Улан-Удэ. Пожалуй, самое нужное из всех в интересах озера.

А чего наработали, господа хорошие?

У воды – без воды

Это было какое-то Заземелье... Адрес был точный: между мысами Песчаный и Туркинский по направлению к Термам Горячинска. Давал мне его Амирхан М. Амирханов, заместитель главы федерального Росприроднадзора, много лет исполнявший обязанности ответственного секретаря Байкальской Межведомственной комиссии, эколог, доктор биологических наук. А чтобы я не заблудился, вручил новейший атлас Центральной экологической зоны Байкальской природной территории. Все точно на карте: кусок берега Байкала, заключённый в оранжевую с чёрными крапинками подковку, и есть “Гремячинск” со своими завлекательными термами, модной услугой, за которой валят ныне туристы на Байкал. Из Китая и обратно – чартерные рейсы. Их привлекают здешние целебные источники. Им здесь рады и стар, и млад: работа, заработок, цивилизация.

Но мне не туда. Мне в Турку, поселение, раскинувшееся в райском месте, почти в устье реки Турки, но и на берегу Байкала: хочешь – купайся, хочешь – рыбалкой занимайся; и в реке вода чистойшая, и в Байкале её полно.

Похоже, я не в свой час тут объявился: навстречу мне торопились с пустыми ведрами (плохая примета) мужики и женщины, молодые и не очень. Торопились, обгоняя друг друга. А посреди поморской улицы стояла водовозка. А может, это и не водовозка, а бочковое пиво привезли, и тут за ним с ведрами бегут?... Копчёный омуль под холодное бочковое пиво... Да в такую-то жару...

– Я те дам – без очереди, а ну, становись в хвост! – осадила молодайка вполне трезвого мужчину, который подставил своё ведро откуда-то сбоку.

– Да мне машину заправить, радиатор пуст...

– Ах, ему машину, видите ли...

– А что, нельзя?

– Лъзя-лъзя, да мне, милоч, суп сварить не на чем, уж не говорю про чай...

Короче: в знаменитое байкальское село Турка, в котором проживает ныне около полутора тысяч человек, два раза в неделю привозят воду и продают по трёхке за ведро: пей, народ, подставляй, разинув рот...

Это происходило летом 2016 года. И в предыдущем, 2015-м. И в предыдущем предыдущего... Хотя и не так круто, как сейчас. Здешние люди говорят, как начали лес сводить в округе, так и колодцы пошли мелеть. А потом власти и браконьеры принялись за тайгу по-крупному: лесоповал пошёл по кругу по заявкам закордонных братьев – сосна, лиственница, кедр... Тысячами кубометров. А тут пожары навалились, как поджидали...

Нет, люди окрест живут нормальные, начальство в селе тоже не глупое и, видать, прилежное, люди за воду его не клянут.

С другой стороны, не леший же тут всем заправляет. В Туркинском поселении, что в 170 километрах от столицы Бурятии, не ждут у моря погоды. А наоборот. На каждом приусадебном участке по колодцу вырыли – глубоченные, в каждом дне звезды видать, если водицы набирается. Но из него за раз насосом можно накачать пару ведер. А ещё как рукотворный памятник воде – одна-единственная водоразборная колонка, которая качает со 150-метровой глубины хорошую питьевую воду: вот её-то и закачивают в водовозку, чтобы развезти по дворам – по тройку за ведро.

Нет горючки на ежедневную развозку – не на что купить. И водопровод от Особой экономической зоны “не запланировали”.

А Байкал-то на что у людей под носом? Не президенту же отвечать на этот вопрос.

Прокурор – это звучит не страшно

В 2016-м закончилась прокурорская проверка на Байкале, продолжавшаяся полтора года: как выполняется природоохранное законодательство на озере Байкал? Как оберегается каждая пядь земли вокруг него, возведённая в категорию природного наследия человечества и взятая под особый патронаж ЮЕНСКО?

Прокурорская проверка охватывала не только Байкальскую природную территорию (БПТ), но и всю территорию Уральского, Сибирского и Дальневосточного округов. На Байкал ставился акцент. Поэтому и генеральный прокурор РФ Юрий Чайка прилетел на подведение её итогов в Улан-Удэ – столицу Бурятии, – если и есть ещё в России природа, которую можно спасти, так это, в первую очередь, за Уральским камнем. Да и то, как сказать...

Е. Малханов, восточно-байкальский межрайонный природоохранный прокурор обнаружил одно из 140 тысяч выявленных в ходе проверки нарушений законодательства в области охраны окружающей среды. Не факт, а бомба замедленного действия с неизвестным периодом полураспада.

Еще 25 лет назад, когда мы только начали купаться (но ещё не захлёбывались) в лачужейся ваучерной приватизации, в Кабанском районе Бурятии кому-то приглянулся кусок берега Байкала. Южный берег Байкала, конечно, не Южный берег Крыма. Но это с какой стороны подойти. За спиной у пляжей Кабанского района – хребет Хамар-Дабан. Не Гималаи, само собой, но загроживает от монгольских колючих ветров.

У подножия хребта вдоль берега мчитесь самая длинная в России магистраль – Транссиб и шоссе Москва–Владивосток. Кишка цивилизации. Часть её, малюсенькая по сравнению с Транссибом, проходит по Кабанскому району.

– А что мы будем с этого иметь? – воскликнули следопыты новой экономики, разбуженные шуршанием ваучеров и авантурными обещаниями Чубайса: – Время пришло. Наше время! Обогащайтесь!

25 тысяч квадратных метров того солнечного побережья тут же нашли своего заботливого хозяина: были проданы частному владельцу. С благословения чиновников Кабанской районной управы и с юридическим оформлением через Министерство имущества Бурятского республиканского правительства.

Озеро Байкал и его прибрежные земли никакими законами – царскими, советскими, российскими федеральными – никогда не признавались частными

территориями, подлежащими купле-продаже. И озеро, и его природные ресурсы были государственными общенародным, общенациональным достоянием.

Уже в наше время его акватория была поделена между двумя субъектами Федерации – Республикой Бурятия и Иркутской областью. А водосборная площадь Байкала, объединенная Байкальской природной территорией, – между тремя субъектами. Третьим стал Забайкальский край, по которому протекают основные притоки Селенги, дающей пятьдесят процентов годового притока в озеро. Селенга бежит к нам через Бурятию из Монголии, крупные притоки её – реки Хилок, Чикой – из Забайкальского края. Но тоже через Бурятию.

Вот в какие административно-территориальные тиски взят Байкал на современном уровне хозяйствования. И по той же причине он – федерального уровня природный объект. Этот его статус хоть и косвенно, вроде бы, но недавно был подтверждён и Москвой – на Байкале создано специальное природоохранное подразделение – Байкальское управление Росприроднадзора. Это плюс к тому, что природоохранные министерства субъектов Федерации имеют в своём составе такие штатные единицы. Новый Байкальский страж не подчиняется ни Иркутску, ни Улан-Удэ, а напрямую – Москве.

В последнее время и академик Михаил Александрович Грачёв в 1987–2016 годы через “Российскую газету” не раз ставил проблему усиления природоохранного статуса озера учреждением специальной должности омбудсмена Байкала. Похоже, это первый, но реальный отклик на обоснованные предложения академика, чей авторитет неоспорим, как и его вклад в науку и исследование Байкала. Его и его соратников по институту.

Усиление охранных функций на Байкале – требование времени. Умные люди, его искренние, бескорыстные защитники и патриоты это понимают. Но...

Ещё в начале 2017-го тяжба за тот кусок байкальского берега продолжалась. Видимо, она закончилась бы однозначно и раньше, если бы не один поразительный факт: однажды обнаружилось, что владельцем того куска берега стал гражданин... Швеции. И законность этой сделки, кроме адвокатов, доказывают районные власти и чиновники имущественного министерства Бурятии: по-вашему, по-московски, нельзя, а по-нашему, по-бурятски, можно!

Об этой тяжбе знают и Генеральный прокурор, и думские деятели, и ведомственные авторитеты. Наблюдают...

– Анализ прокурорского надзора, – говорит природоохранный восточно-байкальский прокурор Валерий Ефимович Малахов, – показывает, что основными источниками загрязнения водосборной площади Байкала стали сбросы недостаточно очищенных сточных вод в поверхностные и подземные водоёмы. Только по официальным данным Росводресурсов, в 2015 году в водные объекты БПТ сброшено 500 миллионов кубометров стоков. Из них почти 40 миллионов – недостаточно очищенные стоки коммунального хозяйства. В Центральной экологической зоне сброшено в водные объекты более 2 миллионов кубометров неочищенных стоков.

В деталях это выглядит так, – продолжает прокурор. – Директор МУП ЖКХ “Сервис” администрации Джидинского района Д. Мудаев поручил Н. Семёнову “замести следы” – слить сброс очищенных стоков от “коммуналки” около 16 кубометров в чистое поле. Тот слил. Оба знают, что грубо нарушают природоохранное законодательство, но больше им слить отходы некуда. В результате были загрязнены 2,73 га сельхозземли, превышены предельно допустимые концентрации загрязнений мышьяком – в два раза, бактериями кишечной палочки – в 100 раз, ПАВ (химия) – в 2,5 раза.

Теперь эта земля не пригодна для сельскохозяйственного производства. А сумма причинённого ущерба оценивается в 87 миллионов 360 тысяч рублей. Это не самое крупное из экологических правонарушений.

От Байкала: “Дай, дай!”, а Байкалу: “Бог подаст...”

В документе, который рассматривался в числе прочих на заседании Байкальской Межведомственной комиссии накануне “Года экологии”, чётко и ясно прописано: основной задачей федеральной целевой программы по Байкалу на 2012–2020 годы является “достигнуть сокращения поступления в акваторию озера Байкал загрязнённых сточных вод – до 50 процентов”. Таким образом, министерства во главе с Минприроды РФ, завязанные правительством на охрану интересов озера, признаются в следующем:

а) в Байкал сливают загрязнённые сточные воды все, кто пожелает;
б) именно в его акваторию, а не в окрестности озера или какие-то ещё емкости для доочистки;
в) за семь лет этот слив уменьшится до 50 процентов от существующего. До пятидесяти процентов – это сколько? Ведь может быть и сорок девять, но и девять. Очень “прогрессивный” метод счёта, внедряемый нашими чиновниками и телевизионщиками в русский язык, больше ничего путного они внедрить не могут. И последний штрих: куда денутся эти “до” 50 процентов очищенные стоки? Будут продолжать сливаться в Байкал? Или “на рельеф!”? Как в своё время стоки БЦБК, которые по утверждению руководства, чистились “до” уровня питьевой воды?

Не смешите детей, господа штатные “няньки” Байкала.

На конец 2016 года по официальной информации правительства Иркутской области дела с очисткой стоков на БПТ обстояли так. “Водно-экологическая ситуация усугубляется неэффективной работой очистных сооружений или их отсутствием... Иркутской области необходимо более 25 миллиардов рублей, чтобы исправить положение и вывести его на уровень нормативного”.

А своими наиболее заметными достижениями в Иркутске считают строительство водно-санитарных объектов в городе Бодайбо. Помилуйте, уважаемые. Но город Бодайбо от Иркутска и Байкала удалён в тысячу сто километров, находится на левом берегу реки Витим, притока великой Лены, впадающей за Полярным кругом в море Лаптевых. При чём тут Байкал? Здесь водосборная территория совсем другая. Да и нехорошо это: деньги освоили в городе золотопромышленников, а списывают их на охрану Байкала.

В Центральной экологической зоне Байкала, в её части, находящейся в Бурятии, констатируют прокуроры, проживает около 73 тысяч человек в 81 населённом пункте. Есть среди них и крупные: города Северобайкальск, Бабушкин, посёлки Усть-Баргузин, Каменск, Гремячинск, Горячинск, Кудара, Выдрино, Оймур, Посольское. Все они и здешние базы отдыха располагают *выгребными ямами, стоки из которых вывозятся “на рельеф”*, и лишь малая часть – на очистные сооружения. А всё, что вылито “на рельеф”, просочится в Байкал. Так бережливо устроена Байкальская котловина – в неё всё с окрестностей стекает: капля к капле, ручеек к ручейку. Чтобы могучие силы озера за четырёста лет сделали её лучшей в мире водой, за которой уже нынче посылают сватов зарубежные женихи.

Но и у Байкала есть предел терпению. Спиригира нас об этом наглядно предупреждает.

А если байкальская могучая система самосохранения и защиты с тонко настроенным исполнительным механизмом ломается? Во сколько ремонт обойдётся, уважаемые няньки? Это ведь не Саяно-Шушенская ГЭС. И даже не ангарский каскад ГЭС, который на байкальской воде делает большие миллиарды. Недавний недобор метра байкальской воды вон каким переполохом откликнулся во всех ступенях власти! Пришлось правительству порядок наводить. И кадровые “усиления” делать. А вывод? Неужели не поняли, что это Байкал бросил нам вызов? Своим неумным подходом и жадностью охотники за ресурсами по глупости зарегулировали байкальский вековой механизм, и он выдал предупреждение.

Природу никто не пересилит и не перехитрит. Даже ту, которая у нас под носом или под ногами. Убить – может. Вслед погибнет и сам. С природой перспективно сотрудничать и дружить. Душа в душу.

Особо охраняемые территории

На БПТ есть ещё и vip-постояльцы: особо охраняемые природные территории (ООПТ). Они, эти территории, отданы под пять заповедников, четыре национальных парка, двадцать два заказника и ботанический сад. Последний расположился на двадцати семи с лишним гектарах в областном центре – Иркутске, и принадлежит Иркутскому госуниверситету.

Особо охраняемые – это значит – со своей особой охраной. Вооружённой, естественно. Тут есть что охранять, – первозданную природу, экзотический животный мир, косяки особо ценных пород рыб, которых остаётся всё меньше и меньше. Хотя охранников всё больше и больше. В иных заповедниках количество охраны кратно превышает количество научных работников.

К примеру, в Баргузинском заповеднике (ныне ФГБУ “Заповедное Предморье”) сотрудники всего 137 человек. Из них 55 охранников. И 10 научных сотрудников.

В заповеднике Байкало-Ленском (ФГБУ “Заповедное Прибайкалье”) штат – 233 единицы; охранников – 129, научных сотрудников... – 7 человек.

Не знаю, каков бюджет этих заповедников, но уже точно люди как сыр в масле не катаются. Зато в 2014 году тушение пожаров, к примеру, в первом заповеднике обошлось в 11 миллионов 697 тысяч 300 рублей. И так далее. Шаги пожаров всё шире и шире. Местные шаманы всё сваливают на злых духов. Им клятвенно верит местный чиновный люд. А пожарные, не те, кто отчёты составляет, а те, кто идёт на огонь, говорят, что 7–8 из 10 таёжных пожаров – дело рук человека. Охранники, конечно, не даром хлеб едят. Но пожары, выходит, едят ещё круче: лес, намазанный миллионами горящих купюр. Но ведь прибайкальская тайга – это самый надёжный гарант от засухи, она питает ключи, ручейки и речки. Они под густой зелёной кроной тайги копят влагу. В том числе и те, которые подпитывают Байкал и стабилизируют пластиковые водные горизонты на всей Байкальской природной территории. “Законная” ликвидация Государственной Думой лесозащитных километровых полос вокруг Байкала спровоцировала вырубку лесов на водосборной территории и возросшее количество сушняка в тайге, пожары. А как результат – картина с пустыми ведрами в прибрежном селе Турка.

Стреляют...

Предмет охоты на Байкальской природной территории – изюбрь, кабан, кабарга, косуля, лось, олень, белка, соболь, зайцы – беляк и русак, – горностай, лисица, норка, выдра, барсук, россомаха, медведь, волк, многочисленная боровая дичь. Но вот что странно: в отчётах об охоте некоторые результаты выглядят неадекватно. К примеру, в осенне-зимний сезон 2013–2014 годов законный лимит на отстрел изюбря был установлен в 404 особи. Добыто 139 зверей. Отчитались за отстрел 57 голов кабана, а разрешено было взять 219 штук, из 214 лосей, разрешённых к отстрелу, отчитались только за 58 голов.

В Иркутских угодьях разрешено было изъять 4296 зверьков соболя, размер официальной добычи – 2788. Лимит на отстрел медведя – 164 головы, официальный размер добычи – 31 особь. И т. д.

В чем дело? Почему одни из самых бедных территорий РФ не хотят пополнять свой бюджет ни добычей шкурок пушных зверей, ни обеспечить семью мясом оленей, лося, изюбря, других зверей? Причин много, но одна просматривается в ежегодных Государственных докладах “О состоянии озера Байкал и мерах по его охране”, в оговорках по тому или иному промысловому зверю. К примеру, так.

“Заяц-беляк. В сезон охоты 2010–2011 г<одов> по неполным данным добыто около 455 голов. В действительности объём добычи не менее чем в два раза выше”.

“Лисица. В осенне-зимний сезон добыто 173 особи. Фактический размер добычи значительно выше, так как основная часть добытых шкурок лисицы остаётся у охотников для личных нужд”.

“Изюбрь. В охотсезон 2010–2011 г<одов> охотопользователи получили разрешение на добычу 481 головы изюбря. Официальный размер добычи равен 202 особей”.

Значит, есть и неофициальный размер добычи, иногда он превышает лимитную норму в разы. Как и в ловле деликатесной рыбы. По крайней мере, никто не клянется, что это не так.

После нашумевшей трагедии группы высокопоставленных чиновников в Алтайских горах во время охоты с вертолётки на “краснокнижных” архаров и аналогичные печальные события с губернаторами в восточных угодьях, включая и Байкальскую природную территорию, отстрел “краснокнижных” вроде бы приутих. Но тут страстный любитель *братьев наших меньших* из высших сфер по прозвищу “дамский охотник” подметнул соблазн, рассчитанный на простаков: считать отныне охоту не отстрелом беззащитных *братьев наших меньших*, а таким весёлым соревнованием “за приз”. Естественно, вся гоп... простите, vip-компания ответила на это залпами одобрения.

На спор: ныне у всех, кто считает себя вир-персонами, либо в домашних апартаментах, либо в служебных “комнатах-курилках” рядом с рабочим кабинетом полы устланы шкурами “призовых” белых и бурых медведей, снежных барсов, других экзотов. У особо одарённых и продвинутых – тигровые и леопардовые из наших лесов, уж не говорю о чучелах пернатых и рогатых головах на стенах – пятнистого уссурийского оленя, амурского горала, алтайского архара, пutorанского барана, снежного барана (толсторога) из Якутских нагорий и т. д.

На Байкальской природной территории (извините, что повторяюсь – уж очень болезненный вопрос), где зверья Бог послал, не меряя, сложилась отчётная традиция: лимит на отстрел всегда в основном не выполняется. Ни на соболя и белку, ни на изюбря и кабаргу, ни на медведя и ондатру. По некоторым зверям отчёт выглядит так: “Размер официальной добычи невелик – 400–500 зверьков. Фактически добыто в десять раз больше”.

Нынче “призовая” охота культивируется во всех охотхозяйствах России. И, естественно, она ведётся строго по правилам Минприроды. О чём свидетельствует абсолютная безнаказанность, подтверждённая статистикой. “Призовая охота” вообще вне подозрений. Зато во всех бедах объявили виноватым серого волка... Потом будем локти кусать. Ибо начальственное лицемерие не наказуемо. Но это не значит, что его прощают люди.

История “краснокнижного” осетра и плывущего туда же омуля в наши дни превращается в легенды. Как и восстановление некоторых “краснокнижников” в правах и количествах с помощью президента РФ.

Раз проверка, два проверка

Космический мониторинг рекреационных объектов Байкала на территории Бурятии в районе озера Котокель (ближайший сосед Байкала, как говорится, через стену), где планируется создать особую туристско-рекреационную зону, и в заливе Мухор (Иркутская область) между островом Ольхон и роскошным солнечным берегом Байкала, обнаружил угрожающие признаки. Характер экологических отклонений взгляду из космоса предстал как на ладони.

“В районе оз. Котокель, входящего в планируемую зону, выявлена 31 стационарная турбаза и база отдыха, большая часть которых функционирует только летом. Большинство из них находятся в водоохранной зоне озера”.

“... В связи с высокими рекреационными нагрузками происходит постепенное загрязнение побережья и прибрежной части акватории озера и ухудшение экологической и санитарно-эпидемиологической обстановки.

В связи с ежегодным увеличением потока отдыхающих без принятия необходимых мер можно прогнозировать значительное ухудшение экологической и санитарно-эпидемиологической обстановки в этом районе”.

Это предупреждение было дано восемь лет назад. Экология с тех пор не улучшилась, а наоборот.

Озеро Байкал, залив Мухор. “В заливе выявлено 29 стационарных и летних турбаз и баз отдыха суммарно на несколько тысяч мест. Идёт активное строительство новых баз отдыха. Из космоса зафиксировано, что все турбазы и базы отдыха в районе залива Мухор (за исключением б/о “Дар”) расположены в пятисотметровой водоохранной зоне Байкала. В летнее время неорганизованных туристов, располагающихся на отдых непосредственно на побережье, хоть пруд пруди. Происходит постепенное загрязнение побережья и прибрежной полосы акватории и ухудшение экологической и санитарно-эпидемиологической обстановки, что подтверждается данными мониторинга. Если не принять упреждающих мер, можно прогнозировать значительное ухудшение экологии”.

Не приняли. Получили спирогиру.

Для хозяев Байкальской природной территории стало обычным делом игнорировать предупреждения учёных, природоохранных органов начиная от Росприроднадзора и вплоть до специальных природоохранных прокуратур. Рекомендации Межведомственной Байкальской комиссии повторяются из протокола в протокол. Дело доходит до того, что на местах начинают оспаривать федеральные законы, в которых определены рамки пользования ресурсами БПТ. Особенно массивная атака ведётся на размеры водоохранной территории. Были периоды, когда никто точно не знал, каковы её размеры –

500 метров от уреза воды или 5. Хозяева домостроев упорно доказывали, что старожилы имеют законное право на весь берег, как по всей стране. Да, “по всей стране” тон задали в своё время партийные, советские и профсоюзные боссы, построив свои дачи по берегам рек и озёр. Особенно с этим не церемонилась партийно-коммунистическая элита. Фактически весь “зелёный пояс” Москвы представлял собой “запретную зону”: Рублёво-Успенская зона, Зареченская и другие в ближнем Подмосковье.

В девяностых годах власть переменялась, но зоны-то остались. И даже расширились и приумножились. К старым прибавились новые зоны миллиардеров-олигархов, депутатов-конгрессменов. Они-то в 90-х годах и внесли путаницу, видимо, надеясь, что дворцы по урезу Москвы-реки никто пальцем не тронет. Пришла пора, когда законодатели стали говорить:

— А что Байкал? Как все, никаких привилегий.

И только совсем недавно в законе чётко прописали 500-метровую водоохранную зону. Хотя пятисотметровая зона для Байкала — дразнить гусей. Но теперь и этот “закон не тот”.

Оказалось, что об этих зонах долго ничего не знали в Госкадастре, там они не зарегистрированы, не очерчены границы посёлков и отдельных владений. Интересы старожилов, таким образом, оказались “вне закона”. А ведь комиссии шастают по Байкальскому берегу, спотыкаются о заборчики...

Несостоявшееся покушение

Видимо, силы, которые так искусно и мудро сформировали колыбель для Байкала в течение десятков миллионов лет, действительно могучие и, бесспорно, обладают пророческим предвидением. Мне позволяют так утверждать факты.

У Байкала один вечный шлюз, через который он сбрасывает воду — горбатый перекат у Шаман-камня, через который забирает все “излишки” река Ангара и уносит их к Енисею. 60 кубических километров в среднем в год. Ровно столько (в среднем же) приносят в него все другие источники, включая Селенгу, 330 рек и речек, сбегающих с тех хребтов и — важный момент! — приток подземных (пластовых) вод — 3,12 кубических километра: умри, Байкал, но это количество воды откачай — альтернативы нет. Но чтобы вышло так, а не как иначе, Творец подстраховался. Да ещё как мудро — сотня институтов не придумает. Исток Ангара у Шаман-камня шириной около километра и глубиной не более 5 метров. Тот гениальный, заглядывающий на тысячелетия в будущее Творец, таким образом, установил, что именно такая глубина должна быть у Ангара в истоке (а ни на метр больше или меньше), чтобы пропускать 2000–3000 м³/сек, чтобы баланс воды в озере оставался стабильным: 23 тысячи кубических километров. И не “закисал” по качеству. Для этого в основании Приморского хребта, который “прорезала” Ангара, оказался Шаманский порог — его скалистое основание.

Творец создал такой колоссальный природный комплекс, что всё в нём подогнано друг к другу исключительно по науке. Или наша наука есть не что иное, как расшифровка мудростей природы, чтобы мы сами себя не загнали в тупик.

И что бы ни случилось с погодой, порог оставлял последнее слово за собой. Пока круто не вмешался в его жизнь человек, построив плотину Иркутской ГЭС. Именно тогда судьба Байкала висела на волоске, и её мог порешить один энтузиаст — Н. А. Григорович, главный инженер сектора Ангара Московского отделения института Гидроэнергопроект.

В 1958 году на конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири он обнародовал свой, рассчитанный по всем параметрам проект: взорвать перемычку Ангара у Шаман-камня, чтобы углубить проран в истоке до 25 метров. По расчётам автора проекта, для этого хватит 30 тысяч тонн аммонита. В образовавшейся проран хлынет 120 тысяч кубических километров воды из вековых запасов Байкала, они помогут дополнительно выработать 32 миллиарда киловатт-часов электроэнергии на строящихся Иркутской и Братской ГЭС. На это Н. А. Григорович отводил 4 года. А потом на восстановление порушенного — 18–20 лет.

— Это чудовищный проект, — поднялись гидростроители, специалисты, учёные, писатели, общественность СССР, опубликовав в “Литературной газете”

21 октября 1958 года письмом-протест по поводу идиотского “проекта” Н. Григоревича. — При снижении уровня Байкала будет оголена прибрежная полоса площадью 100–120 тысяч гектаров, которая является основной зоной жизни для всей флоры и фауны озера... Во многих местах береговая линия озера отступит на километр и более, начнётся обвал берегов...

У власти тогда хватало ума и политической воли прислушаться к голосу общественности и не дать ходу этой авантюре. Но в архивах она всё ещё хрипит. Недавно вспомнил о ней известный гидростроитель Леонид Владимирович Поляков, генеральный директор ЗАО “Совгидропроект”, когда мы с ним обсуждали проблемы отвода коммунальных стоков с помощью трубы от Байкала в реку Иркут. В своё время он готовил этот проект, который разрабатывался в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР за подписью М. Горбачёва и Н. Рыжкова — лучшим документом в защиту Байкала, какие принимались в XX веке.

Но оказывается, ныне озеро Байкал, национальное достояние Российской Федерации, объект Всемирного наследия ЮНЕСКО, хранитель и производитель пятой части мирового резерва поверхностной пресной питьевой воды высшего качества, живущий на планете Земля более 20 миллионов лет, по своим, выработанным за это время законам и обладающий реальными богатствами мирового масштаба, подчеркну, возобновляемыми богатствами, этот наш Божественный Байкал не имеет никакого права перед заштытым жадным чиновником Кабанского района благословенной Бурятии.

Не исключено, что ещё до конца века нашему Байкалу придётся отдать себя, чтобы спасти человечество. А мы не в состоянии оградить его сегодня от притязаний озверевших от жадности мародёров нового века, которые без особого труда наловчились делать деньги изо всего — из воздуха, из виртуального пространства, из бедности народа, не производя ни грамма товарной массы на общественные, народные и государственные нужды, а лишь в виде персональных яхт, лайнеров золотоносных усадеб на берегах рек и сказочных пейзажей...

Они уже приступили к делёжке и Байкальского жизненного пространства...

Миллиардный счёт из прошлого

В отходах тонет Байкальская природная территория. Как они опасны и как трудно от них избавиться, свидетельствует жёсткая реальность и недальновидная экологическая политика властей. Рекорды по этой части поставил бывший Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат, которые никто не переплюнул. Сегодня их, нерастворимых отходов целлюлозного производства, осело на берегах озера 6 миллионов 200 тысяч тонн. В твёрдом виде.

Что делать со всеми этими накоплениями, никто не знает. Есть решение правительства РФ: ликвидировать отходы, а как — нет пока ответа. ООО “ВЭБ Инжиниринг”, “дочка” Внешэкономбанка, истратила около 6 (шести) миллиардов рублей, чтобы разработать эффективный способ ликвидации отходов, но Лимнологический институт предложил свой — и дешевле, и эффективнее, и безопаснее. Способ, предложенный Лимнологическим институтом, — перемешивание отходов с золой, что позволяет обезвоживать шлам-лигнин, убирать дурные запахи и превратить отходы в почвогрунт.

Власти торопятся. Лихой тратой миллиардов на “инновационный” проект заинтересовалась прокуратура: миллиардов нет, но и дела нет.

Но дальше составления “дорожной карты” эксперимента дело пока не пошло. Хотя имущество обанкротившегося ОАО “БЦБК” вместе с картами и землёй, на которой они расположены, перешло в залог ПАО “Иркутскэнерго”, которое выставило их на торги.

Ход почти жульнический: продать золотой берег, заваленный отходами, — и гора с плеч. А там — пусть голова болит у покупателя. И у государства, дело-то оказалось непосильным даже для ВЭБ (Внешэкономбанк).

Как и когда станут развиваться события на самом загаженном участке берега Байкала, сейчас сказать никто не решает. Но уже создана группа, которая маракует над неким проектом Международного научного центра байкальского туризма и экологической безопасности, который предполагается создать на территории бывшего Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Сейчас идут контакты между предполагаемыми будущими соучредите-

лями этого международного проекта. На этот счёт на заседании Межведомственной Байкальской комиссии в конце 2016-го состоялся предварительный обмен мнениями: тут надо сто раз отмерить, прежде чем резать. Инвестиции потребуются немалые, да и судьба Байкала дорогого стоит.

К тому же учёная общественность стоит на своём: впереди всех проектов, которые сейчас выюжат вокруг Байкала, должен решаться главный – строительство системы канализационных стоков за пределы водосборной площади озера.

Один мой мудрый собеседник сделал интересный вывод, проанализировав информацию об экологическом кризисе на Байкале.

– Это кризис не Байкала, а управления охраной природы на Байкале.

Короли и принцессы Байкала

Нынешняя суeta вокруг Байкала не пахнет созиданием и ответственностью властей, она пахнет другим. А ведь были люди...

В историю Байкала впечаталась одна фамилия – человека, который в одиночку взялся спасти рыбные богатства обнищавшего было озера и – справился.

Константин Николаевич Пантелеев. Бывший царский кондуктор Иркутского лесничества.

В 1920 году советская власть, прогнав всех недругов с Байкала и обнаружив, что озеро сильно потрепала и выдоила гражданская война, поручила Константину Николаевичу восстановить омулёвые стада для прокорма прибайкальских свободных граждан. Голодных в данный исторический момент.

Пантелееву потребовалось полтора-два десятка стеклянных бутылей, в которых обычно хранился самогон у запасливых крестьян, всегда имевших “святой” водицы хоть на свадьбу, хоть на чёрный день, – он эти бутылки конфисковал именем Советской власти. Абсолютно пустые. Ликвидировал в освобождённой стеклотаре доньшки, поставил бывшие бутылки “на попа”, закрепил в специальной раме с поддонами и заполнил селенгинской проточной водой.

Из такого гениального рыбоводного инкубатора он выпустил первую партию мальков следующим летом – около пятидесяти тысяч штук.

Вот это была победа, достойная звания Героя Труда. Нынешние омулёвые, сильно потрепанные байкальские стада – из того пантелеевского инкубатора. Или родственники тех первенцев из бутылей. Вечные пантелеевцы. Как чапаевцы. Кто-то кинется ныне так же помогать осетру, таймену, самому озеру, а не своему кошельку, как гражданин Пантелеев – омулю – королю Байкала? Кстати, и к омулю нынче вернулся кризис: с 2017-го запрещён его промысел. У черты невозврата оказалось его количество в Байкале. Грешат на браконьеров. А браконьеры – на антинародную экономику. Кто станет разбираться...

Или станем акклиматизировать в байкальской тайге деревенские лопухи?

Больше всего в Байкале – по числу и по биомассе – рыбы голомянки: голомянки большой и голомянки малой. Их общий вес – около 150 тысяч тонн, это 67 процентов биомассы всех байкальских рыб, включая омуля, плотву, щуку, сига, сазана, осетра и других. Ежегодный приплод голомянки, тоже по массе – 150 тысяч тонн, она, похоже, возобновляет себя один к одному. И, похоже, Байкал без голомянки не Байкал. Но рыбаки её не ловят. Тогда для чего она, принцесса Голомянка?

Может, потому эта рыбка-невеличка так успешно борется за своё место в знаменитом озере, что оно её родной дом и что её присутствие в системном комплексе Байкала незаменимо? Это выглядит вызывающе, но это так.

Байкальская нерпа, единственный в мире пресноводный тюлень, потребляет в пищу более 40 процентов годовой продукции голомянок, то есть 60 тысяч тонн. Достаётся на обед и прожорливому омулю, бычкам и... самой голомянке. Собственная молодь в рационе голомянок – пятое блюдо.

Не ходит в реки на прогулку или кормление голомянка – байкальская затворница. Может, поэтому её зовут ещё и байкальской принцессой. И как всякая настоящая принцесса, она редко кому попадает на глаза. Предпочитает держаться на глубине. И не стадом, а поодиночке.

И ещё одна, но самая удивительная особенность голомянок: столь многочисленные их стадо не забывает русла рек идущими на нерест косяками. Она не нерестится. Голомянки – живородящие рыбы.

Но уж если тебе повезло, и ты, нырнув на два-три метра в прозрачное мелководье, пронизанное солнечным светом, повстречался с ней с глазу на глаз, оставишь в памяти как талисман.

Бледно-розовая красавица, по телу которой будто перекатываются волнами блики всех цветов радуги в такт её несуетливому движению, глянет на тебя тёмными глазами в ярко-оранжевом ободке и замрёт на мгновение. Гигантские грудные плавники, прозрачные, как крылья стрекозы, усиливают впечатление: голомянка парит в подводном царстве, и через эти крылья-плавники на добрую половину тела просматриваются не просто очертания её двадцатисантиметровой фигуры, но и всё тело, весь её празднично-маскарадный, перламутром сверкающий костюм. Если от удивления или какой надобности она откроет рот, станет видно, что он у неё раза в полтора шире туловища.

Личинок своих голомянка рождает уже на 2–3 году жизни. Большая голомянка обычно осенью, в сентябре-октябре, малая – весной, как озеро освободится ото льда. Крупная голомянка приносит 2–2,5 тысячи личинок, малая – около полутора тысяч штук.

Существование голомянок в Байкале вызывает много вопросов у учёных и специалистов.

Голомянка – не стадная рыба, косяками не ходит, живёт в водной толще рассредоточенно. Будто Создатель заранее знал, как уберечь своё детище от истребления, и “научил” голомянку, как избегать прожорливых рукастых созданий. Рыбаки подсчитали: в сети эта рыбка попадает в количестве, напрочь непригодном к промысловому лову, – 100 грамм на 100 квадратных метров сетей за сутки. Пробовали ловить голомянку тралом – опять безнадёга: за один час траления добыли около 0,5 кг рыбы. Тебя такая рыбалка прокормит?

Но с другой стороны, при нулевой и даже отрицательной плавучести голомянки уравнивают вес своего тела за счёт высокого содержания жира в мышцах и на внутренних органах – в большой голомянке это 43–44 процента её веса. Две самки большой голомянки весом 80 граммов по калорийности равнозначны омулю весом 340 граммов или пятисотграммовому хариусу. Её калорийность в 3 раза больше, чем у осетра.

Для чего такая чудная, невиданная и “непрактичная” для человека рыба Байкалу? Рискну: когда он её создавал, Homo sapiens’a ещё не было и в помине. Её новорождённое потомство первый период своей жизни живёт в поверхностном горизонте озера. Мальки питаются эпишурой, молодью микроскопического рачка макрогекоптуса, циклопами. Макрогекоптус остаётся основной пищей голомянок до конца жизни.

Температурные границы воды – +0,3, +1,5 зимой и +6, +8 летом – удерживают голомянок вполне. Чаще всего она встречается на глубине 150–200 до 500–700 метров, где температура постоянно в течение всего года держится в пределах +3,4... + 3,6°C.

Учёные и специалисты согласились между собой, что голомянки – лучший корм для омуля и нерпы. Сразу закрывается одно звено в пищевой цепочке и проблема утилизации такой огромной биомассы – 150 тысяч тонн ежегодно.

– Такого способа размножения, как у голомянок, – рассказывал мне Григорий Иванович Галазий, первый директор Лимнологического института, – неизвестно ни у одного водного организма в мире. Как он возник – загадка. И не потому ли, что он является своего рода тупиком в эволюции этих рыб, они больше нигде в мире не встречаются? И смогли появиться и выжить только в Байкале? Пока точного ответа нет. Хотя в природе есть животные, которые могут размножаться и без мужского начала.

Особость Байкала, его тайны ещё ждут своих прилежных исследователей. Учёные верят, что главный диалог озера с человеком ещё впереди. Было бы здоровье у того и другого.

– Его тайны – с выходом на глобальные темы, – считает академик М. А. Грачёв, – и на процессы формирования животного мира Земли. Чем глубже мы проникнем в эти процессы, тем точнее научимся предугадывать будущее.

Предложения академика Грачёва

Что нужно перво-наперво Байкалу?

— Активное использование Байкала как уникальной природной лаборатории для изучения биологического видообразования, изменений природной среды климата, исследования протекающих на наших глазах крупномасштабных геологических и геофизических событий. Для решения этих задач перспективно было бы на базе Иркутского научного центра СО РАН и институтов **воссоздать Байкальский Международный научный центр экологических исследований, обеспечив возможность совместной работы в этом центре российских и иностранных учёных, а также преподавание, в том числе на иностранных языках, с участием приглашённых иностранных специалистов для подготовки бакалавров и магистров, кандидатов наук из России и всего мира.**

А для начала великих и героических дел — опережающими темпами построить на озере... канализацию.

Байкал стоит обедни, господа. На водном ресурсе Байкала можно построить экономику целого государства. Если мы настоящую работу начнём на Байкале и в полном согласии с ним, не откладывая, нынче же, какой приз нас ждёт впереди!

Сейчас Байкал нуждается в нашей помощи по всем статьям. Только тем, кто рассеянным взглядом глядит на жизнь, кажется, что дела на Байкале идут к лучшему. Статистика реальных бед и потерь говорит об обратном: эксплуатация ресурсов озера ускоряется, компенсация его потерь движется к нулю. Безнаказанно так в жизни не бывает.